

И. М. КУДРЯВЦЕВ

Две лирические песни, записанные в XVII веке

Среди рукописных фондов Отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится большой архив дворянского рода Пазухиных, материалы которого охватывают более трех столетий (1602—1914).¹ Наиболее полно, однако, в архиве представлены материалы, характеризующие средние помещичьи хозяйства XVII и начала XVIII века окраинного Алатырского и смежных с ним Симбирского, Арзамасского, Нижегородского, Пензенского и Шацкого уездов.

Архив содержит также богатый документальный материал, рисующий служебное и семейное положение отдельных представителей этого рода и быт помещиков этих районов вообще.

Одним из основных фондообразователей архива Пазухиных был прадед Н. М. Карамзина (по материнской линии) Семен Иванович Пазухин, типичный представитель служилого дворянства, начавший службу жильцом и дослужившийся до полковника, по службе связанный с окраинными городами Симбирской черты и переселившийся в середине своей служебной карьеры из Костромского своего поместья в Алатырский уезд.

На обороте одного из документов, относящихся к служебной деятельности Семена Ивановича, его рукой записаны две лирические песни, текст которых мы публикуем ниже.² Темы и характер этих песен заставляют нас предположить, что они, как и вообще поэзия такого рода, были созданы и бытовали в среде, представителем которой (быть может, наиболее типичным) и являлся Семен Иванович Пазухин. Нет сомнения, что запись была сделана им не случайно, а определялась его интересом и, вероятно, его способностями в этом направлении.³

Материалы архива и отдельные сведения в исторической литературе в какой-то мере позволяют воссоздать биографию Семена Ивановича. Вот основные вехи ее. В 1665 году был произведен раздел Костром-

¹ Обстоятельный обзор архива Пазухиных дан Е. Н. Ошаниной в „Записках Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина“, вып. 12, М., 1951.

² В том, что песни записаны рукой Семена Ивановича Пазухина, можно убедиться при сравнении этой записи с документами архива Пазухиных, писанными его рукой или им подписанными. См. Паз. VI-34, Паз. I-8, Паз. III-16, Паз. I-56, Паз. I-78.

³ Можно предположить, что поэтические способности Н. М. Карамзина, его склонность к лирической сентиментальной поэзии были в какой-то мере и наследственными. (Мать Н. М. Карамзина Екатерина Петровна урожденная Пазухина — родная дочь Петра Семеновича и внучка Семена Ивановича Пазухина).

ской вотчины Пазухиных¹ между Иваном и Борисом Андреевичами Пазухиными, с одной стороны, и их двоюродными братьями Михаилом, Федором и Семеном Ивановичами Пазухиными — с другой. В это время, как можно предполагать на основании записи о разделе, Семен Иванович был еще „недорослем“.² Вскоре, однако, он уже „жилец“ и принимает участие в посольстве 1669—1673 годов в Бухару, Ургенч и Хиву вместе со своим двоюродным братом Борисом Андреевичем, возглавлявшим посольство.³ По возвращении из посольства Семен Иванович был назначен „за службу“ стрелецким головой в Корсунь на место головы, который „стрельцам и казакам чинил обиды и налоги и посулы и поминки с ним имал и всякое разорение им чинил“.⁴ Нельзя сказать, что Семен Иванович сильно отличался в этом от предшествующего начальника: как показывают документы, он давал стрельцам деньги взаймы, отчего имел немалый доход. В 1677 году он стрелецкий голова в г. Тагаеве (на Симбирской черте).⁵ В том же году Семен Иванович женился на дочери помещика Алатырского уезда Арапова и, получив за невестой с. Засарье, д. Араповку и другие земли, всего 129 четвертей, поселился в новых владениях и постепенно увеличивал их. Дальнейшая служба Семена Ивановича, как видно из его позднейшей челобитной и других документов, проходила в походах. В 1678 году он был под Чигириным, в полку боярина и воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского; в 1679 году — под Киевом, в полку князя Михаила Алегукевича Черкасского; в 1680 году — в Путивле, в полку князя Василия Васильевича Голицына. В том же году С. И. Пазухин был послан с окольным чин и воеводой князем Константином Осиповичем Щербатовым под Тамбов и Козлов, где он „вал по черте делал“.⁶ По приказу Щербатого Семен Иванович вел розыск в г. Тальце в связи с челобитьем рейтар, ограбленных посадскими людьми. В архиве сохранился черновик сказки С. И. Пазухина об этом розыске.⁷ На обороте этого документа Семен Иванович и записал публикуемые песни.

В конце 1680-х и начале 1690-х годов С. И. Пазухин был в Белгороде, в полку боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. Он был участником нескольких походов, в частности Азовского, Ругодевского и Дорогобужского. Последней его „службой“, которую отмечают материалы архива, было конвоирование пленных шведов из Москвы в Нижний Новгород. В это время он был уже стольником.⁸ Умер С. И. Пазухин в 1709 году.

Многочисленные тяжёлые дела, сохранившиеся в архиве, отражают постоянное стремление Пазухина увеличить свои владения любыми путями. И в этом отношении он был типичным представителем служилого дворянства окраинной полосы Московского государства.

* *

*

¹ Вотчина была пожалована („из поместья“) одному из предков Семена Ивановича за „Московское осадное сидение в королевичев приход“ (1618—1619).

² Паз. IX-60.

³ См. Наказ Борису и Семену Пазухиным (Русская историческая библиотека, т. XV, СПб., 1894). Задачей посольства было установить возможность торговли с этими государствами и, кроме всего прочего, разведать пути в Индию.

⁴ Паз. I-5

⁵ Паз. I-9, 10.

⁶ Паз. I-8, 15, 22.

⁷ Паз. I-13.

⁸ Паз. I-17.

Рукопись с записанным С. И. Пазухиным текстом двух песен¹ представляет собою лист размером 21.7×15.2 см; бумага — второй половины XVII века с неясным рисунком части филиграни — герольдической лилии. На одной стороне столбца помещен текст черновика сказки стряпчего С. И. Пазухина по делу об ограблении рейтар. Черновик правлен, вероятно, рукой Семена Ивановича, другими чернилами. Чернила основного текста выцвели, чернила текста правки более темные.

Приводим текст сказки целиком, помещая зачеркнутые слова в прямые скобки, а текст правки в круглые скобки и подчеркивая текст правки, перенесенной на оборотную сторону листа.

„188-го году августа в ... день сказал стряпчей Семен Иванов сын Пазухин [как] посылал меня Семена окольников и воивода князь Константин Осипович Щербатово в город Талець к воиводе (к Ивану Мосолову (для розыску) против челобитья рейтар [Михайлова полку Зыкова] (Ондреева полку Чубарова) да Ильина полку Змейова [для розыску] что тех рейтар грабили в городе Тальце на посаде (как те рейтары щьли на службу великого государя въ нынем году) и воевода Иван Мосолов розыску никакова не учинил и тех воров не сыскал а сказал он Иван [Мосолов] мне (Семену) что та рухледь против их рейтарского челобитья сыскана и отдавал тое рухледь [Ильина полку Змейова] (и Ондреева полку Чубарова) рейтару (Иванову) (Елфиму Федорову) сыну [Филатову] (Соронтуеву?) седло с войлоки да котел [свое а не их грабленую рухледь] и тово седла с войлоки 'и котла [тот] рейтар не взял для того что не [Иво и он] ... отдавал Иван Мосолов сказал что той рухледи ... (у него Ивана) у челобитчиков рейтар опросил (?) ... битых и в тюрьму сажать [хотел] тому я и скаска“.

На обороте листа, таким образом, оказались записанными при правке черновика два отрывка фраз: 1) „на службу великого государя в нынем (188) году“ — в середине страницы — и 2) „у него Ивана“ — в нижней части страницы.

Несколько позже на этой оборотной странице листа С. И. Пазухиным были записаны песни. Приводим текст этих песен так, как он записан в XVII веке, т. е. без разделения на ритмические строки и с сохранением расположения текста по строчкам, но с правильным разделением слов.

Выносные буквы нами вводятся в текст, титла раскрываются, зачеркнутые слова заключаются в квадратные скобки.

Песня Ивана Лукьяновича ... нева²

Д ой не плачьте мои ясные очи, а не все натсажай-
те мое сердце, как увижу мила друга очи
*о здоровье мила друга спрашаю про свое я житье
ему скажу, а не то мне на мила друга до-
садно а што долго мила друга негу а и то
мне на мила друга досадно а что прельстила
мила друга иная, а всем мне надежа полюби-
ся а умом он и ростом да родился лишь однем мел надежа.
провинился а что смолода с ыными поводился.

¹ Паз. I-13.

² Слово почти стерлось, и начало фамилии установить не удалось.

Handwritten text in Church Slavonic script, likely a lyric poem. The text is written in a cursive style on aged paper. It begins with a large initial letter 'С' and contains several lines of text, including a prominent 'Въ' at the start of a line. The script is dense and characteristic of 17th-century manuscripts.

Две лирические песни в записи XVII века. Рукопись второй половины XVII века.
Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина.

Песня Андрея Михайловича Пестова

Пойду я млденька погуляю я на свои новые [на]¹ сени
 посмотрю ка² я далече в чисто поле* хорошо ли
 в [чистом] поле луги зеленеют лазоревые цветы
 расцветают зеленеются в чистом поле луги лазо-
 ревые цветы роз[да]цветают а всех людей в поле я ви-
 жю одново света милова не вижу а все люди слу-
 жбы едут моево света милова нету по здоро-
 ву ли мой миленькой едет али то воеводы не отпуска[т]³.

В двух местах приведенного выше текста, отмеченных звездочкой, стоит буква *в*, помещенная в кружок. Следует, вероятно, предположить, что это буквенное обозначение цифры 2, указывающее на повторение строки песни. Цифра, как нам кажется, стоит перед той строкой, которая должна повторяться; в этом убеждает нас первая цифра, стоящая в начале строки.

При делении текста на ритмические строки, учитывая отметки Пазухина о повторении их, текст песен примет следующий вид.

Песня Иван Лукьяновича . . . нева

Д ой не плачьте мои ясные очи,
 а не все насажайте мое сердце.
 Как увижу мила друга очи,
 о здоровье мида друга спрошаю.
 О здоровье мила друга спрошаю,
 про свое я житье ему скажу.
 А не то мне на мила друга досадно,
 а што долго мила друга нету,
 а и то мне на мила друга досадно,
 а что прельстила мила друга иная.
 А всем мне надежа полюби[л]ся:⁴
 а умом он и ростом да родился,
 лишь одним мел надежа провинился,
 а что смолода с ыними поводился.

Песня Андрея Михайловича Пестова

Пойду я, млденька, погуляю,
 я на свои новые на сени;
 посмотрю ка я далече в чисто поле,
 хорошо ли в поле луги зеленеют.
 Хорошо ли в поле луги зеленеют,
 лазоревые цветы расцветают.
 Зеленеются в чистом поле луги,
 лазоревые цветы расцветают.
 А всех людей в поле я вижу,
 одного света милова не вижу.
 А все люди [с] службы⁵ едут,
 моево света милова нету.
 По здорову ли мой миленькой едет,
 али то воеводы не отпускают.

Когда были записаны эти песни?

Одна временная граница устанавливается с достаточной определенностью — не ранее августа 1680 года. Этим годом датирован документ, на обороте которого записаны песни. Палеографический же анализ

¹ Предлог „на“ приписан над строкой и зачеркнут.

² Частица „ка“ приписана над строкой (тем же почерком).

³ Последняя буква над строкой стерлась.

⁴ В рукописи „полюбися“.

⁵ В рукописи — „службы“ без предлога „с“.

позволяет утверждать, что правка чернового текста, перенесенная на оборот листа, где помещены песни, была произведена ранее, чем запись песен; иными словами, песни были записаны на обратной стороне черновика сказки, а не наоборот.

Второй бесспорной временной границей является 1709 год — год смерти С. И. Пазухина. Однако можно почти с полной уверенностью утверждать, что запись была произведена гораздо раньше, а именно, около 1680 года и во всяком случае не позднее 1680-х годов. За это говорит, во-первых, начертание букв, характерное для XVII века, и сравнительный анализ почерков С. И. Пазухина,¹ а во-вторых — сам факт записи песен лирического содержания, который свидетельствует о сравнительно молодом возрасте Пазухина.

Данные архива позволяют сделать заключение, что в 1680 году ему было не менее 30 лет и что он был женат лишь третий год.

В эти годы Семен Иванович был в постоянных разъездах, и тема разлуки, которая является основной темой песен, могла, вполне естественно, его волновать.

То, что песни записаны на обороте черновика документа, составленного в 1680 году, тоже, конечно, очень существенно, и можно предполагать, что песни были записаны Семеном Ивановичем тогда же в Тальде или где-то в районе Тамбова и Козлова, где он находился вместе с князем Щербатовым.

Имена лиц, от которых записал (или у которых списал) Семен Иванович эти песни, в архиве не встречаются; вряд ли, следовательно, это были его соседи по поместью. Вероятно, это те служилые дворяне, с которыми он сталкивался по службе, и их имена можно отыскать в других архивах и родословных. Были ли они авторами этих песен, или их исполнителями, или просто любителями, записавшими песни от других, — все это вопросы, на которые можно ответить лишь предположительно. Одно нам кажется несомненным — эти песни сложились в среде служилого дворянства.

Подобно известным уже стихотворным опытам П. А. Квашнина-Самарина, публикуемые два стихотворения представляют собой старейшие образцы лирики, создававшейся на основе народных лирических песен, в противовес книжной силлабической поэзии. Написанные от лица девушки или женщины, эти стихотворные опыты сохраняют следы своих песенных образцов, например в характерном именно для песен зачине — „Д ой не плачьте...“, в повторяющемся в ряде смежных стихов начальном „а“, в повторном исполнении отдельных стихотворных строк. Но это уже не крестьянская лирическая песня: „милый“ должен ехать „со службы“, его задерживает „воевода“. В языке первого автора — чуждое народному языку слово „прельстила“.

То обстоятельство, что песни дошли до нас в составе большого архива, дающего замечательный по своей определенности исторический фон к этим поэтическим памятникам XVII века, является для исследователей-литературоведов редким и очень ценным фактом — ценным тем более, что такая ранняя фиксация поэтических произведений известна лишь в очень небольшом количестве.

¹ Буквенное обозначение цифр, если признать наше предположение правильным, тоже свидетельствует до некоторой степени о том, что запись произведена в XVII веке.

